

3) собственно новая метафора. Речь идет о тех случаях, когда образ-“источник” нетипичен для объекта метафоризации и ранее не использовался для его структурирования. В таких случаях любое лексическое средство образа-“источника” будет участвовать в образовании творческой метафоры:

[...] взметнувшийся **фонтан сырой земли, камней и сорванных листьев** кое-как улеся (Ф.Дик); *Подойдя к своему дому, купающемуся в осенних листьях, Лягушка на секунду остановилась* (М.Голованивская).

4) контаминация нескольких концептов-“источников”. Если метафорический объект характеризуется с помощью совмещения лексических средств нескольких концептов-“источников” (даже если эти средства репрезентируют только “используемые” части концептов), метафора оказывается творческой. Так, совмещение концептов-“источников” “жидкость” и “острый” становится залогом творческого характера метафоры ([...] *кабинет Буратино, где приглушенные струи света разрезали сизоватые клубы восточных курений* (М.Голованивская)), несмотря на то, что в ней участвуют “используемые” части концептов-“источников”, которые в отдельности могут образовывать конвенциональные метафоры (*свет струится, свет режет глаза*). Разумеется, чем более нетипичными являются лексические средства метафорического концепта или сам концепт и чем распространеннее метафорическая характеристика, тем более творческой оказывается метафора. Проследим нарастание творческого характера метафоры на следующих примерах: [...] *на зеленый мысок ольхового леса низвергался рудой поток закатного солнца* (М.Шолохов); *Пламя тихо убывало, осыпая тихие вздохи, костер сел, и только огненный куст взметнулся вверх, изогнулся и заструился ветвями по ветру* (У.Голдинг).

Таким образом, **конвенциональная метафора** — это характеристика объекта с помощью “используемой” части метафорического концепта, а **творческая метафора** — это характеристика объекта с помощью “неиспользуемой” части метафорического концепта.

Т.П. Гришкова

ТИПЫ КОСВЕННОЙ РЕФЕРЕНЦИИ СЕМАНТИКИ ДЕМИНУТИВНОГО СУФФИКСА

Самарский государственный педагогический университет

Основное направление современных лингвистических исследований — переосмысление сущности и функций отдельных языковых явлений в масштабе текста. Именно поэтому объектом лингвисти-

ческого анализа становятся процессы функционирования, реализации в речи единиц словообразования, и это заставляет обращаться к прагматическим факторам. Суть лингвопрагматического подхода к анализу речевых произведений состоит в выявлении зависимостей текста от целей адресанта, в изучении правил воздействия на участников акта коммуникации. Динамическим использованием деминутивных суффиксов как раз и осуществляется интенция автора в выражении оттеков смысла.

Одна из особенностей эмоциональных и экспрессивных смыслов деминутивных суффиксов – их способность к косвенной референции. Суффикс утрачивает значение уменьшительности, направляя ласкательные и экспрессивные смыслы не к денотату мотивирующего имени, например:

...Сразу разбираются, кто где живет, у них это специальными цифрками обозначено; <...> два раза в месяц за то, что ездят туда и обратно, им бумажки выдают... (С.71)¹.

Эта своеобразная смысловая и функциональная направленность деминутивного суффикса воплощается в разных вариантах: 1) эмоциональные и экспрессивные смыслы обращены к предметам, метонимически связанным с денотатами деминутива; 2) эмоциональность и экспрессивность распространяются на описываемую ситуацию в целом; 3) анализируемые смыслы обращены в первую очередь к слушающему и, реже, говорящему. Например, в разговорах о людях близких и дорогих обычно используют уменьшительно-ласкательные производные при назывании предметов, включенных в их личную сферу, проецируя ласкательную семантику с предметов на лица. В частности, описание жилища дяди Диккенса, которое дается через восприятие Левы Одоевцева в романе А.Битова “Пушкинский дом”, содержит множество деминутивов: квартирка, комнатка, стенка, фонарик, графинчик и т.п. Распространение положительного эмоционального потенциала деминутива на всю описываемую с его использованием ситуацию можно проследить в следующем фрагменте. Митишатъев, выстрелив в Леву Одоевцева и полагая, что убил его, стремится быстро и незаметно исчезнуть:

Митишатъев, уже в пальто, сбегал вниз, в подвал. Там нашел подходящее окно и выскользнул на газончик перед институтом.<...> Вышел к решеточке, огляделся – никого не было в этой черной, вздувшейся, как вена, невской ночи. Перемахнул решеточ-

¹ Здесь и далее иллюстративный материал приводится по изд.: Битов А.Г. Пушкинский дом. Роман. М., 1989.

ку и пошел не оглядываясь, руки в карманы, стремительно и бегливо.

Митишатъеву удастся незаметно и ловко выбраться из здания. Ловкость его действий выражается деминутивами газончик, решетка. Положительная эмоциональность (в восприятии Митишатъева) во фрагменте относится не к газону и решетке, но призвана выявить “бегливость” героя.

В речи персонажей, даже если она передается косвенно, часто с помощью деминутивных форм создается положительный эмоциональный фон коммуникации для воздействия на эмоциональную сферу слушающего:

Тут он попросил, чрезвычайно светски, у Коптелова папироску...(С.80).

В нем еще жило то ощущение радости и общности, дружно сдвинувшее всех их за столом: отдельное чоканье деда с внуком, “со свиданьем...” (С.55).

...Нищим старикам просил подать копеечку, старухам – нет...(С.37).

Подобные случаи употребления деминутивов свидетельствуют о том, что деминутивные словообразовательные средства имеют еще одну коммуникативную направленность. Как отмечает Ю.Д.Апресян, в словарное значение слова может быть “вписано” прагматически значимое “указание на относительные статусы говорящего и адресата в социальной, возрастной или иной иерархии, на существующую разделяющую их дистанцию” [1, 9]. Деминутив также может выступать как средство маркирования социальных статусов говорящего и адресата.

В исторической жизни уменьшительно-ласкательных образований в русском языке был период, когда они использовались именно для маркирования социального статуса лица, причем статуса более низкого, сопровождавшегося экспрессивным фоном отрицательного значения (холоп Ивашка), значения эти “особенно успели развиться вместе с развитием сословных, классовых различий, резко выделивших понятие о высшем и низшем” [2, 40].

На современном этапе семантика деминутива уже свободна от функций сословного ранжирования, но выражает относительный статус говорящего и адресата. Такая функциональная направленность деминутивов в русском языке является специфической чертой славянской словообразовательной системы. Э.Сепир определяет эту способность языка как “быть может, самый значительный аспект русской культуры” – склонность русского рассматривать людей не как представителей каких-либо типов, не как создания, извечно обла-

ченные в одеяния той или иной цивилизации, но как абсолютно человеческие существа... Единственная вещь, которую русский воспринимает всерьез – это изначальная, “корневая” человечность. В личностных отношениях мы можем заметить любопытную готовность русского пренебречь всеми институциональными перегородками, отделяющими одного человека от другого” [5, 471–472].

В этом личном мире говорящий и слушающий либо безразличны к рангам – все перекрывается чувством доброжелательности, любви, либо говорящий находится рангом выше, но этот более высокий ранг определяется не законом, а личностными свойствами говорящего (хотя бы только в данной ситуации общения). Адресат находится в сфере личных интересов говорящего, при этом сфера его интересов направлена на добро по отношению к адресату. В следующем фрагменте своеобразная утрированная ласкательность в речи персонажа, доброжелательно относящегося к Одоевцеву, отражает не только его желание вести себя в соответствии с типичной речевой ситуацией, но и продемонстрировать свое (наконец-то, хотя бы с болезнью Одоевцева связанное) ощущение себя как сильного, свой хотя бы ситуативно определяемый более высокий коммуникативный ранг (человеческий, не социальный), стремление проникнуть в личную сферу адресата:

А я зайду, зайду еще. Мы еще подружимся, вы не думайте. А тут вам бутылочка на стульчике для выздоровления. Поправляйтесь... (С.51).

Эти коммуникативно значимые характеристики автора и адресата объединяют речевые ситуации, характеризующиеся наибольшим насыщением деминутивных форм: речевые ситуации общения взрослых с детьми, врача с больными, разговора о детях:

Ну, как у нас сегодня температура? (С.200).

В художественном тексте, “переплавляющем” в соответствии с эстетической целью средства и формы всех языковых стилей, деминутив может использоваться не только для воссоздания стилистики разговорных речевых ситуаций в диалогах персонажей, но и как способ маркирования коммуникативно значимого статуса автора и адресата. Как отметила С.С.Плямоватая, “суффикс имеет способность как бы воспроизводить среду и обстановку, в которой он наиболее часто употребляется” [3, 60]. Например:

Была в этом тайная игра, так что при мысли о деду, в удаленных и заваленных всяким хламом: тетрадками, пыльными глобусами, лыжными палками, – уголками сознания, проявлялась скользь невыразимая, к деду, естественно, никакого отношения

не имевшая, картинка из военного деревенского детства: сарайчик, бревнышко, курочка – дальше луг; или – речка в лесу... (С.37).

Коммуникативно актуальным может быть сам акт перевода ситуации общения из официальной в сферу личного общения; деминутив маркирует обращение говорящего к личности адресата, его человеческим свойствам:

Вы, конечно, можете на часок-другой отлучиться днем, – ласково, по-отцовски говорил заместитель директора по административно-хозяйственной части, он же секретарь парткома, говорил “идя навстречу. (С.249).

Говорящий осознает свое положение “снизу” в социальной иерархии и заинтересован перевести общение в личную сферу, апеллировать к человеческой сути адресата. Именно такие контексты употребления находятся в сфере активных оценок в аспекте культуры речи. Речь с деминутивами в таких ситуациях определяется как заискивающая:

Ну, вы посидите еще немного? Еще минуток пять можно... (С.144).

Высокая степень эмоциональной насыщенности производных с деминутивными суффиксами определяет значительность субъективного начала в повествовании. Правильно использованное деминутивное производное должно породить ожидаемую эмоциональную реакцию слушающего.

Источник

Битов А.Г. Пушкинский дом. Роман. М., 1989.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
2. Мандельштам И. Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значений // Журнал министерства народного просвещения. 1903. Июль, август.
3. Плямоватая С.С. Размерно-оценочные имена существительные в современном русском языке. М., 1961.
4. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Томск, 1996.
5. Сепир Э. Культура истинная и мнимая // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1990.